

Владимир ЧУСТЯКОВ

Тодоровский считает себя небогатым человеком. Он мог заработать и больше. Но все ушло на партийные взносы.

— Вам, значит, повезло?

— Да, поэтому нас некуда было девать — остался один взвод. И мы остались в училище, нам дали сержантские звания. А уже потом в Германии... Мы должны были форсировать Одер. Шли очень тяжелые бои. Мы рано утром пошли к реке, к плавням. И нас догнал один грузовичок, с которого соскочил человек, достал из-под плащ-накидки камеру и стал в упор снимать проходящих солдат. Раненых, грязных...

Так я впервые увидел живого кинооператора. И подумал: какая это замечательная профессия — сейчас снимает, а через много лет можно увидеть эти лица, эти события. И так загадал, что если я останусь в живых, то постараюсь поступить во ВГИК на операторский факультет. В первый год я не поступил, было две тройки на вступительных экзаменах. Я поработал на заводе, а на следующий год поступил. Проучился год — и в конце меня отчислили за профнепригодность. Но поскольку я был фронтовик, с орденами и медалями, мне дали переэкзаменовку, я привез осенью новые работы, и с тех пор по профессии, кроме пятерок, ничего уже не получал. А недавно мне вручили диплом почетного профессора ВГИКа. Как интересно жизнь складывается...

— Ваши фильмы не клали на полку? Не резали?

— На полку не клали. Но резали. Даже “Военно-полевой роман”. Меня заставили вырезать две сцены. А “Фокусника”, которого я очень люблю, очень долго мордовали, не выпускали, переозвучивали, вырезали куски и потом выпустили на весь Союз 36 копий. Поэтому его мало кто видел. Интеллигенция бегала по окраинам Москвы, по клубам...

— Тем не менее вы считаетесь благополучным режиссером.

— Знаете, в каком смысле? Я снимал практически все, что хотел. Я никогда не занимался конъюнктурой.

— Неужто вас не склоняли к воспеванию руководящей роли?

— Мне предлагали, причем с гарантией премий, звания народного артиста... Но мне как-то удавалось ускользать от таких предложений. Скажу больше. Константин Симонов после фильма “Верность”, который ему очень понравился, предложил снять картину “Оборона Москвы” (ее потом снял Ордынский). Я сказал, что у меня уже есть другой сценарий. Я мог просто испортить — такие глобалки, когда в кадре по 150 танков идет, не мог снимать.

— Вы были членом партии?

— Сорок пять лет.

— А как же “Интердевочка”?

«Мне крайне необходимо общение с молодежью. Хочу им давать и получать от них. Не зря последнюю картину снимал с молодыми ребятами, подростками, и мне это очень понравилось. Молодые, видимо, лучше чувствуют время, его дух».